

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Е. А. Капитонова*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТЕРРОРИЗМ

Аннотация. В статье рассматриваются правовые основы борьбы с угрозами ядерного и биологического терроризма в России и за рубежом. Анализируется содержание международно-правовых актов в данной сфере (Конвенция о физической защите ядерного материала 1979 г., Конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г., Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1971 г.). Изучаются особенности привлечения к уголовной ответственности за подобные деяния по Уголовному кодексу РФ. Делается вывод о необходимости уточнения терминологии (в том числе в части дефиниции ядерного и биологического терроризма, а также соотношения их с технологическим терроризмом), приводятся авторские трактовки понятий. Предлагается внести в Уголовный кодекс самостоятельный состав преступления, касающийся ядерной угрозы со стороны террористов, и изменить норму статьи 355 УК РФ (дополнить диспозицию прямым указанием на ядерное оружие). Также проводится анализ правовых основ борьбы с терроризмом на транспорте. Рассматриваются нормативные акты международно-правового характера (в частности, Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 г.; Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г.; Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации 2010 г. и др.). Делается вывод о достаточной распространенности в России терроризма на транспорте, приводятся статистические данные по вопросу отношения населения страны к этой угрозе. Обосновывается необходимость законодательного закрепления понятия «терроризм на транспорте». Аргументируется предложение повышения уголовной ответственности за совершение теракта, сопряженного с посягательством на объекты транспортной инфраструктуры (посредством перевода этого деяния в разряд квалифицированных составов преступления — ч. 3 ст. 205 УК РФ).

Ключевые слова: уголовное законодательство, международные акты, угроза человечеству, противодействие терроризму, террористический акт, ядерный терроризм, биологический терроризм, терроризм на транспорте.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.116.7.070-084

Терроризм повсеместно признается одной из главных угроз человечеству. Однако, несмотря на все силы и средства, которые бросаются государствами на защиту от него, изжить его полностью пока не получилось ни у одной

страны в мире. Борьба с этой угрозой осложняется еще и тем, что методы террористов постоянно меняются, а преступники со временем задействуют все новые способы совершения террористических актов.

© Капитонова Е. А., 2016

* Капитонова Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент Пензенского государственного университета

e-kapitonova@yandex.ru

440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 5 октября 2009 г.¹, в числе основных направлений развития современного терроризма указывает разработку новых и совершенствование существующих форм и методов террористической деятельности, направленных на увеличение масштабов последствий террористических актов и количества пострадавших.

Особого внимания в данном контексте заслуживает анализ ядерной и биологической угроз со стороны террористов.

На национальном законодательном уровне термины «ядерный терроризм» и «биологический терроризм» не закреплены. В юридической науке существует точка зрения, что под биологическим терроризмом следует понимать использование в террористической деятельности различных бактериологических культур (бактерий, вирусов, токсинов и т.д.) в целях возбуждения эпидемий и эпизоотии — массовых заболеваний людей или животных. В свою очередь, ядерный терроризм представляет собой использование или угрозу использования в террористической деятельности ядерных взрывных устройств, а также радиоактивных материалов в целях радиоактивного заражения объектов, местности, водоемов, воздуха, а равно разрушение (повреждение, захват) ядерных объектов².

Недостатком приведенных дефиниций является отсутствие в них указания на существенные признаки терроризма как преступного деяния (в частности, не упоминается цель совершения теракта и наступление возможных общественно опасных последствий), что представляется недопустимым.

Российские юристы нередко оценивают ядерный и биологический терроризм как проявления технологического терроризма³, под которым понимается использование или угроза

использования ядерного, радиологического, химического или бактериологического (биологического) оружия или его компонентов, патогенных микроорганизмов, радиоактивных и других вредных для здоровья людей веществ, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, оказания воздействия на принятие решений органами власти, для достижения политических, корыстных или любых других целей⁴.

Объединение в одном термине столь разных по способам осуществления террористических явлений представляется ошибочным. Несмотря на то что совершение актов ядерного терроризма и актов биологического терроризма может повлечь одинаковые последствия, содержание и способы реализации преступных намерений в этих случаях различны. Поэтому рассматривать их нужно скорее по отдельности, нежели в составе одного комплексного понятия, оставляющего за рамками анализа своеобразие каждого из терминов.

Международное сообщество относится к проблеме потенциальной опасности ядерного и биологического терроризма со всей серьезностью, о чем свидетельствуют многочисленные документы, принятые на соответствующем уровне.

Некоторые юристы привязывают понятие ядерного терроризма именно к международно-правовому регулированию, оставляя за его рамками национальное законодательство. Так, Н. Ю. Тимофеева считает, что ядерный терроризм представляет собой совокупность преступлений, нашедших отражение в международном праве, и характеризующих их признаков, перечисленных в ряде международных договоров антитеррористической направленности⁵. С такой точкой зрения нельзя согласиться. Дефиницию ядерного терроризма следует проводить не по уровню правового регулирования (тем самым искусственно сужая область применения

¹ Российская газета. 2009. № 198.

² Хлобустов О. М. О некоторых понятиях и терминах в сфере борьбы с современным терроризмом // Российский следователь. 2006. № 5. С. 47—48.

³ Некишев В. Л., Некишев А. В. О некоторых проблемах противодействия технологическому терроризму на транспорте // Транспортное право. 2006. № 4. С. 46.

⁴ Хлобустов О. М. Указ. соч. С. 47.

⁵ Тимофеева Н. Ю. Международно-правовые вопросы борьбы с терроризмом в евроатлантическом регионе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 53 ; Она же. Международно-правовое сотрудничество в области противодействия ядерному терроризму // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2007. № 3. С. 238.

этого понятия, делая его объектом регулирования исключительно международных норм), а по способу осуществления этого преступного деяния. Как правильно отметил К. И. Косачев, здесь имеется в виду «деятельность, в основе которой лежит незаконное использование энергии атома, радиологических свойств веществ и которая направлена на достижение целей террористического характера»⁶, а основным признаком, по которому можно выделить данный вид преступного деяния из числа схожих с ним, служит либо объект посягательства (ядерные материалы или радиоактивные вещества), либо орудие преступления (имеющее то же происхождение)⁷.

Крен в сторону международного права наблюдается, впрочем, и у того же К. И. Косачева, который в другой своей работе утверждает, что под ядерным терроризмом следует понимать «общественно опасные деяния, предусмотренные мировым сообществом в качестве преступлений в нормах универсальных международных договоров или в обычных нормах международного права»⁸. Безусловно, ядерные теракты могут относиться к преступлениям международного характера, нарушать установленный международный правопорядок и создавать угрозу международному миру и безопасности. Однако сводить их исключительно к подобным проявлениям не следует. Национальное законодательство не должно игнорировать эту проблему, и исключать его из сферы правового регулирования данного вопроса, по нашему мнению, категорически неверно.

Возвращаясь к теме международно-правового противодействия ядерному терроризму, приведем краткую характеристику основных нормативных документов в данной сфере.

Первым значимым актом стала Конвенция о физической защите ядерного материала, принятая в 1979 году и ратифицированная СССР в 1983 году. Этот акт закрепил на международном уровне понятие ядерного материала (путем перечисления соответствующих наименований) и призвал государства — участников

Конвенции к ответственному отношению к опасным объектам, соблюдению всех надлежащих норм по хранению, перевозке и физической защите таких материалов. Конвенция также установила порядок определения уголовной юрисдикции и необходимость применения государствами мер ответственности за перечисленные в ней правонарушения. К числу преступлений были отнесены:

- ряд незаконных действий, направленных на получение ядерного материала (кража, захват путем грабежа, присвоение или получение обманным путем либо с применением угроз и запугивания);
- потенциально опасные манипуляции с таким материалом, проводимые без разрешения компетентных органов (получение, владение, использование, передача, видоизменение, уничтожение или распыление в случае, если оно влечет за собой или может повлечь смерть человека или причинение ему серьезного увечья, или причинение существенного ущерба чьей-либо собственности);
- различного рода угрозы (в частности, применяемые для использования ядерного материала с целью причинения смерти или иного ущерба людям или имуществу либо для запугивания, воздействия на государства или организации с целью добиться от них принятия нужного решения).

Во исполнение предусмотренных Конвенцией 1979 года договоренностей в России в настоящее время действуют утвержденные Правительством РФ Правила физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов⁹. В этом нормативном акте не только четко сформулированы все основные термины, относящиеся к определению возможных угроз и защите от них, но также прописаны разнообразные меры защиты ядерных объектов, конкретные действия уполномоченных органов власти и порядок обмена информацией между

⁶ Косачев К. И. Ядерный терроризм и международно-правовые механизмы борьбы с ним // Государство и право. 2004. № 8. С. 85.

⁷ Указ. соч. С. 88.

⁸ Косачев К. И. Концепция развития международного права в области борьбы с ядерным терроризмом : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 11.

⁹ Постановление Правительства РФ от 19 июля 2007 г. № 456 (в ред. от 14 марта 2014 г.) «Об утверждении Правил физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов» // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4081.

государственными органами исполнительной власти в случае несанкционированных действий в отношении ядерного объекта. Все упомянутые положения направлены на создание государственной системы физической защиты ядерных материалов и объектов и призваны, помимо прочего, пресечь любую возможность для террористов завладеть потенциально опасным орудием преступления.

В 2005 году Генеральная Ассамблея ООН приняла Международную конвенцию о борьбе с актами ядерного терроризма¹⁰. Россия подписала и ратифицировала этот документ в октябре 2006 года. Конвенция представляет собой новый шаг в продолжение пути, намеченного в 1979 году. Прежде всего, она более четко формулирует понятия радиоактивного и ядерного материала, а также ядерного объекта. Впервые в международно-правовой практике употреблен термин «устройство», под которым понимается любое ядерное взрывное устройство, или любое рассеивающее радиоактивный материал или излучающее радиацию устройство, которое может в силу своих радиологических свойств причинить смерть, серьезное увечье либо существенный ущерб собственности или окружающей среде. Такое дополнение выглядит очень уместным. В отличие от материала как простого продукта ядерной промышленности, устройство подразумевает более сложный предмет — некое оборудование, умышленно созданное кем-то с преступными целями. Формально такой предмет не является радиоактивным или ядерным материалом, а потому ранее фактически не попадал под действие международных договоренностей, хотя возможный ущерб от его применения мог быть куда более значительным, чем от использования материала. Продемонстрированный Конвенцией новый подход свидетельствует о стремлении ее создателей идти в ногу со временем и постараться охватить максимально широкий круг возможных правонарушений и унифицировать их понимание всеми странами с целью защитить мир от вредоносного воздействия ядерного терроризма.

Также расширился перечень возможных

преступлений в данной сфере. Теперь к ним относятся:

- владение радиоактивным материалом либо изготовление или владение устройством (если такое деяние совершается с намерением причинить увечье или смерть либо нанести существенный ущерб собственности или окружающей среде);
- использование радиоактивного материала или устройства с теми же целями, а также с целью воздействия на принятие решения любыми лицами, государством или международной организацией;
- реальная угроза совершения вышеупомянутых действий;
- незаконные попытки завладения радиоактивным материалом, устройством, объектом посредством угроз или применения силы;
- соучастие, организация совершения и любое содействие совершению любого из перечисленных преступлений.

Страны — участники Конвенции также договорились об определении уголовной юрисдикции, о сотрудничестве и взаимопомощи по всем вопросам, связанным с защитой людей, государств и мира в целом от угроз ядерного терроризма. Все перечисленные в акте деяния должны были быть включены в национальное законодательство в качестве уголовных преступлений, а наказания за них должны соответствовать их тяжкому характеру.

Стоит отметить, что разделение на международно-правовом уровне понятий ядерного и радиоактивного материала, которое впервые было закреплено Международной конвенцией о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 года, не замедлило сказаться на отечественной науке уголовного права. Следуя приведенной Конвенцией классификации, ученые стали толковать ядерный терроризм в узком и широком смыслах. В последнем случае в содержание понятия включается ядерный терроризм в узком смысле (деяния, связанные с ядерными материалами и объектами) и радиационный (радиологический) терроризм (деяния, орудием или средством которых выступают радиоактивные материалы)¹¹.

Не забывает международное сообще-

¹⁰ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucl_ter.shtml (дата обращения: 13 сентября 2015 г.).

¹¹ Метельков А. Н. О соотношении понятий ядерного и радиационного терроризма как преступлений международного характера // Мир юридической науки. 2014. № 3. С. 64—77.

ство и об угрозе биологического терроризма. В 1971 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении¹². Этот документ был ратифицирован СССР в 1975 г. Каждое государство-участник обязалось никогда и ни при каких обстоятельствах не разрабатывать, не производить, не накапливать, не приобретать и не сохранять никакие микробиологические или другие биологические агенты или токсины, не предназначенные для профилактических, защитных и иных мирных целей. Аналогичный запрет был установлен и в отношении оружия, оборудования или средств доставки, которые предназначены для использования таких агентов или токсинов во враждебных целях или в вооруженных конфликтах. Со всеми необходимыми предосторожностями всякое биологическое оружие должно было быть незамедлительно уничтожено. Дальнейшее его производство и существование в мире должно было быть полностью исключено, а всем странам — участникам Конвенции надлежало внести соответствующие изменения в национальное законодательство. Государства также договорились сотрудничать в области обмена необходимой информацией и при устранении последствий, если таковые возникнут в результате применения в какой-либо из стран запрещенного бактериологического и токсинного оружия.

При изучении Конвенции 1971 г. некоторые специалисты указывают на низкую эффективность закрепленного ею механизма борьбы с распространением биологического оружия¹³. Декларируя необходимость соответствующего запрета, документ вроде бы не создает действенного инструмента контроля над его исполнением. Выходы из этой ситуации предлагаются самые разные: от создания специальной международной структуры (например, Организации по запрещению биологического оружия), на которую можно было бы

возложить функции контроля, до расширения полномочий существующих в составе Интерпола Комитета по борьбе с биотерроризмом и Информационно-справочного центра по предупреждению биотерроризма (чтобы они осуществляли также координацию и информационно-аналитическое сопровождение деятельности различных международных организаций, межгосударственных объединений, отдельных государств и их правоохранительных органов в сфере борьбы с биологическим терроризмом). Автор статьи полагает излишним умножение сущностей за счет учреждения новых международных организаций. Вполне достаточно было бы создания единого координационного центра при Интерполе, как предлагает это сделать (на базе уже существующих в этом органе подразделений) А. Е. Симонова.

Как и в случае с ядерным терроризмом, некоторые юристы высказывают мнение, что биологический терроризм является разновидностью международного терроризма и относится к международным преступлениям, объектами которых выступают мир и безопасность человечества¹⁴. С этим мнением можно согласиться с той лишь оговоркой, что, поскольку правовое регулирование защиты от актов биологического терроризма не должно исчерпываться исключительно нормами международного права, и понятие это не может рассматриваться в полном отрыве от национального законодательства.

В соответствии с принципами, заложенными Конвенцией 1971 г., в России был разработан и принят комплекс мер, направленных на обеспечение биологической безопасности. Большинство этих мер носит организационный характер. Так, Федеральный закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»¹⁵ закрепил меры безопасности в одной из наиболее потенциально опасных сфер — генной инженерии. Г. Г. Онищенко также указывает, что в целях противодействия биологическому и химическому терроризму и во исполнение решения

¹² URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml (дата обращения: 13 сентября 2015 г.).

¹³ Симонова А. Е. Международно-правовые аспекты борьбы с биотерроризмом : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 11.

¹⁴ Симонова А. Е. Противодействие биотерроризму. Международно-правовой аспект. М., 2010. С. 43.

¹⁵ Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ (в ред. от 19 июля 2011 г.) «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3348.

Федеральной антитеррористической комиссии Минздравом совместно с ФСБ, Минобороны, МВД и другими заинтересованными министерствами и ведомствами были приняты и иные организационные меры (например, разработана и одобрена Концепция антитеррористической деятельности федеральных органов исполнительной власти в области охраны окружающей среды и здоровья населения; образована межведомственная рабочая группа по вопросам защиты населения, сельскохозяйственных животных и растений от возможного применения террористами биологических, химических и иных средств массового поражения, а также борьбы с незаконным оборотом потенциально опасных веществ и материалов; разработано и утверждено несколько федеральных целевых программ¹⁶; созданы Федеральный межведомственный центр подготовки специалистов, испытания средств и методов идентификации возбудителей особо опасных инфекций на базе Волгоградского научно-исследовательского противочумного института, а также Центр специальной лабораторной диагностики и лечения на базе Вирусологического центра научно-исследовательского института микробиологии Минобороны России)¹⁷. Всех этих документов, однако, в понимании бывшего главного санитарного врача РФ, недостаточно для того, чтобы признать обеспечение биологической безопасности в стране удовлетворительным. Отсутствие достаточной нормативной базы (в первую очередь, единого закона о биологической безопасности), несоответствие имеющейся материально-технической базы современным критериям чувствительности, скорости действия и эффективности, а также отсутствие в местах наиболее вероятного совершения терактов автоматических средств обнаружения биологических агентов в окружающей среде, как и отсутствие в стране федеральных запасов вакцин, иммунобиологических препаратов и антибиотиков, — все эти факторы, по мне-

нию Г. Г. Онищенко, ставят под сомнение эффективность существующей сейчас в России системы биологической защиты. Выход эксперт видит только в одном — в опережающем развитии биотехнологий и создании действенной системы проведения противоэпидемических мероприятий при чрезвычайных ситуациях (в том числе в случае совершения акта биологического терроризма).

Уголовно-правовое противодействие ядерному и биологическому терроризму в России в настоящее время осуществляется посредством установления ответственности за совершение террористического акта, если он сопряжен с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ (п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ). Пленум Верховного Суда РФ в п. 10 постановления от 9 февраля 2012 г. № 1¹⁸ обратил внимание судов на то, что если в процессе совершения террористического акта были использованы незаконно приобретенные либо хранящиеся ядерные материалы и радиоактивные вещества, то действия лица подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ и, соответственно, ст. 220, 222 или 223 УК РФ.

Включение актов ядерного и биологического терроризма в особо квалифицированный состав, предусмотренный п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ, вызывает определенные нарекания со стороны ряда юристов. Так, В. Т. Корниенко признает формулировку закона «крайне проблемной для правоприменителя», поскольку при предъявлении обвинения в теракте, совершенном, к примеру, организованной группой, формулу обвинения, если следовать букве закона, придется выстраивать таким образом, что квалифицирующие признаки преступления окажутся в середине (и только после этого

¹⁶ Постановление Правительства РФ от 27 октября 2008 г. № 791 (в ред. от 28 февраля 2015 г.) «О федеральной целевой программе “Национальная система химической и биологической безопасности Российской Федерации (2009—2014 годы)”» // СЗ РФ. 2008. № 44. Ст. 5093.

¹⁷ Онищенко Г. Г. Противодействие биотерроризму: стратегия национального здравоохранения // Бюллетень «Вакцинация». 2002. № 3. С. 19—21.

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

правоприменителю надлежит указывать, с посягательством на какие определенные законом особые объекты был совершен террористический акт¹⁹. В этом исследователь видит серьезную проблему, которую в его понимании не способна снивелировать даже разница в санкциях ч. 2 и 3 ст. 205 УК РФ. В отличие от аргументации этой не вполне ясной проблемы, предложение ученого относительно внесения в Уголовный кодекс самостоятельного состава преступления, касающегося ядерной угрозы со стороны террористов, выглядит достаточно обоснованным. Отдельная статья позволила бы не только в полной мере соблюсти требования Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 года в части закрепления всей необходимой терминологии и видов посягательств. Она также дала бы возможность выделить квалифицированные составы этого деяния с учетом возможного соучастия в преступлении и в зависимости от тяжести наступивших последствий (угроза совершения подобных действий и деяние, повлекшее гибель людей, должны оцениваться и наказываться по-разному).

Уголовный кодекс РФ также включает комплекс мер в области борьбы с незаконным оборотом оружия массового поражения. В основном уголовно-правовое противодействие касается незаконного обращения с ядерными материалами и радиоактивными веществами (ст. 220 УК РФ), их хищения либо вымогательства (ст. 221 УК РФ), контрабанды радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, оружия массового поражения, средств его доставки, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании последнего (ст. 226.1 УК РФ). При этом санкции за совершение перечисленных преступлений предусмотрены достаточно мягкие.

В статье 355 УК РФ установлена ответственность за разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения. В диспозиции нормы в качестве такового прямо перечислены химическое, биологическое и токсинное оружие. Категорически неверным представляется отсутствие в этом перечне прямого указания на ядерное оружие. Можно предположить, что в отношении него

действует формулировка «другой вид оружия массового поражения, запрещенный международным договором РФ». Но, учитывая потенциальную возможность использования террористами именно этого вида оружия, а также требования международно-правовых актов в отношении внесения соответствующих угроз в национальное законодательство, точное указание в ст. 355 УК РФ относительно данного вида оружия представляется более оправданным, чем имеющаяся в тексте закона спорная бланкетная отсылка.

Подводя итог рассмотрению вышеозначенных проблем, можно сделать вывод о том, что предотвращение угрозы ядерного и биологического терроризма должно стать одним из приоритетных направлений уголовно-правовой политики России. Это объясняется общественной опасностью и широким спектром возможных негативных последствий, которые могут повлечь за собой указанные явления. Развитие технологий и модернизация общества создают не только научный и информационный потенциал страны, но и обуславливают совершенствование процесса совершения преступных деяний, в том числе и террористических.

В последнее время особым интересом со стороны террористов в качестве места совершения террористических атак пользуется транспорт. Только за последние годы в России было совершено несколько громких терактов, связанных с транспортной инфраструктурой. В 2013 г. главной мишенью террористов стал город Волгоград. Там с небольшими промежутками времени были взорваны автобус (21 октября), троллейбус (30 декабря) и железнодорожный вокзал (29 декабря). Во всех случаях действовали террористы-смертники.

Популярность транспорта в качестве места совершения террористических актов объясняется тем, что эта инфраструктура замыкает на себе массуресурсы — от людских и материальных до технических и информационных. Это, в свою очередь, гарантирует большое поражающее воздействие деяния и масштабность его последующего освещения в средствах массовой информации. Последствия от совершения терактов на транспорте могут носить характер человеческой, техногенной и экологической катастрофы. Кроме того, от нормального функ-

¹⁹ Корниенко В. Т. Проблемы квалификации ядерного терроризма // Российский следователь. 2013. № 14. С. 24.

ционирования транспорта во многом зависит стабильность жизнедеятельности российского государства, огромная территория которого требует нормального обеспечения перемещения по ней людей и грузов.

В связи с высоким уровнем потенциальной опасности терроризм на транспорте требует адекватного противодействия со стороны компетентных органов и разработки эффективных мер его предупреждения. С 2007 г. в стране действует Федеральный закон «О транспортной безопасности»²⁰. В нем террористический акт отнесен к числу актов незаконного вмешательства, которые угрожают безопасности транспортного комплекса (ст. 1). Закон предусматривает целый комплекс организационных мер, направленных на противодействие терроризму: начиная с оценки уязвимости конкретных объектов и заканчивая предоставлением субъектам транспортной инфраструктуры и перевозчикам права применять физическую силу и проводить досмотр физических лиц, транспортных средств, грузов, багажа, ручной клади и личных вещей (с целью обнаружения оружия, взрывчатых веществ или других запрещенных устройств, предметов и веществ).

С течением времени уполномоченные органы и сами перевозчики разрабатывают все новые положения и инструкции, направленные на обеспечение безопасности движения транспорта и мест посадки на него. К примеру, в 2010 г. был принят Указ Президента РФ «О создании комплексной системы обеспечения безопасности на транспорте»²¹. В результате реализации этого Указа и утвержденной во исполнение него Комплексной программы обеспечения безопасности населения на транспорте²² объекты транспортной инфраструктуры повсеместно стали оснащаться камерами ви-

деонаблюдения, сканерами (металлоискателями) и даже датчиками, которые позволяют вовремя оповестить об атаке с использованием отравляющих и ядовитых веществ (подобная система действует, в частности, в Московском метрополитене). Некоторые юристы, однако, считают, что и этого недостаточно²³.

На современное техническое оснащение в России в настоящее время выделяются немалые средства. В ряде случаев они «окупаются», позволяя предотвратить неприятные инциденты либо установить личность преступника после совершения им преступления. Вместе с тем специалисты отмечают, что раскрываемость террористических актов на транспорте по-прежнему не превышает 15—20 %²⁴. Так, несмотря на резонансный характер и всестороннее освещение СМИ, до настоящего времени остаются нераскрытыми теракты, совершенные путем взрывов 11 июня 1996 г. в московском метро на перегоне между станциями «Тульской» и «Нагатинской», 27 июня 1997 г. в поезде Москва — Санкт-Петербург, 1 февраля 2001 г. на станции метро «Белорусская» в Москве, подрыв 13 августа 2007 г. «Невского экспресса» и взрыв 1 ноября 2007 г. рейсового автобуса в Тольятти.

Отсутствие необходимых гарантий безопасности против совершения терактов на транспорте закладывает в обществе основу психологического фактора страха, что при случае легко ведет к возникновению массовой паники среди граждан. Воздействие резонансных террористических актов на умы людей неоспоримо. Согласно результатам опроса ВЦИОМ, если в августе 2013 г. стать жертвой теракта в той или иной степени боялся 71 % опрошенных, то в конце 2013 г. (после взрывов в Волгограде) — уже 77 %²⁵. Известно, что панические настрое-

²⁰ Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г.) «О транспортной безопасности» // СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 837.

²¹ Указ Президента РФ от 31 марта 2010 г. № 403 «О создании комплексной системы обеспечения безопасности населения на транспорте» // СЗ РФ. 2010. № 14. Ст. 1637.

²² Распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2010 г. № 1285-р (в ред. от 11 декабря 2013 г.) «Об утверждении Комплексной программы обеспечения безопасности населения на транспорте» // СЗ РФ. 2010. № 32. Ст. 4359.

²³ Михайлов А. В. Необходимость наращивания технических средств противодействия терроризму на объектах транспортной инфраструктуры // Транспортное право. 2013. № 2. С. 28—32.

²⁴ Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С. М. Иншакова. М., 2011. С. 333—335.

²⁵ Террористическая угроза России: новые источники. Пресс-выпуск № 2698 от 20.10.2014 г. // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115028> (дата обращения: 13 сентября 2015 г.).

ния работают в пользу террористов, облегчая им решение поставленных задач. Напуганные люди послушны и управляемы и в то же время могут быть настроены против представителей органов власти. Подобные настроения способны существенно затруднить работу компетентных государственных структур (в том числе во время проведения операций по спасению заложников).

С точки зрения уголовного права одной из главных задач правового регулирования на современном этапе является определение содержания понятия «терроризм на транспорте». Отсутствие четкого определения нормативной дефиниции рассматриваемой новой формы терроризма обуславливает наличие в юридической литературе различных взглядов на смысловую нагрузку данного термина.

Большинство исследователей придерживаются мнения, что терроризм на транспорте является разновидностью технологического терроризма, представляющего собой противоправное использование или угрозу использования современных технологий, обладающих высоким потенциалом поражающего эффекта (Е. Д. Костылева²⁶, В. Л. Некишев, А. В. Некишев²⁷).

Но и понятие «технологический терроризм» на законодательном уровне также не закреплено, несмотря на то что в зарубежной научной литературе оно используется начиная с 80-х гг. XX вв. после издания Ричардом Кларком книги «Технологический терроризм»²⁸, а сейчас активно упоминается и отечественными исследователями. Указанное обстоятельство еще больше осложняет дефиницию транспортного терроризма.

В международной практике с участием России употребление термина «технологический терроризм» встречается в Договоре о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом от 4 июня 1999 года²⁹. В этом документе даже дается определение технологическому терроризму — «использование или угроза использования ядерного, радиологического,

химического или бактериологического (биологического) оружия или его компонентов, патогенных микроорганизмов, радиоактивных и других вредных для здоровья людей веществ, включая захват, выведение из строя и разрушение ядерных, химических или иных объектов повышенной технологической и экологической опасности, систем жизнеобеспечения городов и иных населенных пунктов, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, оказания воздействия на принятие решений органами власти, для достижения политических, корыстных или любых иных целей, а также попытка совершения одного из вышеперечисленных преступлений в тех же целях, осуществление руководства, финансирование или участие в качестве подстрекателя, сообщника или пособника лица, которое совершает или пытается совершить такое преступление». В то же время обращает на себя внимание факт отсутствия в данной дефиниции упоминания террористических действий, связанных с использованием информационных технологий. Объясняется это, скорее всего, временем подготовки и подписания соглашения: в 1999 году инновационные разработки и компьютерная оснащенность еще не достигли того высокого уровня, который сейчас наблюдается практически повсеместно.

Как видим, в большинстве случаев технологический терроризм подразумевает некое общее понятие, объединяющее в себе признаки ядерного, химического, транспортного, кибернетического и других видов терроризма, связанных с применением технологических средств либо выводом из строя объектов повышенной опасности. На основании сложившейся практики считаем уместным ввести в юридический словарь (посредством закрепления данного термина в российском законодательстве) определение технологического терроризма как преступного посягательства, совершенного путем использования современных технологий, обладающих повышенной опасностью и широким спектром поражения,

²⁶ Костылева Е. Д. Терроризм и безопасность на транспорте // Наука и образование. 2011. № 10. С. 115.

²⁷ Некишев В. Л., Некишев А. В. Нормативное регулирование противодействия технологическому терроризму // Вестник Владимирского юридического института. 2006. № 1. С. 220.

²⁸ Clark R. C. H. *Technological terrorism*. Old Greenwich (Conn.), 1980.

²⁹ Договор «О сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом» (4 июня 1999 г., Минск) // СЗ РФ. 2006. № 22. Ст. 2291.

в случае, если такое посягательство устрашает население, создает опасность причинения гибели людей, значительного имущественного ущерба или иных тяжких последствий, а также совершается в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями.

Исходя из характеристик технологического терроризма транспортным терроризмом следует признавать преступное посягательство с использованием технологий в транспортной сфере либо на объекты транспортной инфраструктуры, совершенное в террористических целях и способное повлечь последствия, характерные для террористического акта. Схожее определение содержится в работе А. М. Киракосяна, который, не будучи, однако, юристом, делает основной акцент не на противоправности, а на «деструктивности» данного вида социального противодействия, направленного на реализацию экстремистской идеологии³⁰.

Еще одной проблемой в юридической литературе признается отсутствие на законодательном уровне определения места транспорта в совокупности объектов, представляющих повышенную опасность и нуждающихся в особой системе антитеррористической защиты³¹.

Если обратиться к опыту зарубежных государств и международно-правовой практике, то предприятия и объекты транспортного комплекса относятся к числу высокорисковых производств, требующих специальных мер физической защиты и проведения спецмероприятий по обеспечению их антитеррористической и противодиверсионной безопасности. В последние годы к этой же мысли приходят и российские высшие органы власти, что подтверждается принятием ряда важных нормативных документов, направленных на разработку и внедрение целого комплекса организационных мер по предупреждению терактов на транспорте (в том числе ранее упоминавшиеся Закон «О транспортной безопасности» и Указ Президента РФ «О создании комплексной системы обеспечения безопасности на транспорте»).

Объекты транспортной инфраструктуры, конечно, необходимо считать источниками повышенной опасности. Это обуславливается повышенной уязвимостью транспорта к терактам и к чрезвычайным ситуациям техногенного характера, введением в транспортную сеть различных материальных и информационных ресурсов, а также потенциальной масштабностью последствий в результате преступного посягательства на транспортные объекты. В связи с этим представляется необходимым отразить в законодательстве положение о признании транспорта в качестве источника повышенной опасности, в том числе и как наиболее подверженного террористической угрозе, исходя из чего и продолжать разработку комплекса мер антитеррористической защиты, носящих правовой и организационный характер.

Противодействие терроризму в воздушном пространстве со второй половины XX века строится в том числе и на основе международного права. Первым нормативным актом в этой сфере стала Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, подписанная в Токио 14 сентября 1963 г.³² Помимо установления на находящемся в полете воздушном судне юрисдикции того государства, которому оно принадлежит, Конвенция четко прописала полномочия командира судна. Командир вправе самостоятельно судить о потенциальной опасности сложившейся в полете ситуации. Если будут достаточные основания полагать, что какое-либо лицо совершило или готовится совершить на борту преступление, к нему могут быть применены «разумные меры», включая «ограничительные», которые необходимы для «обеспечения безопасности воздушного судна либо находящихся на нем лиц или имущества», а также для «поддержания должного порядка и дисциплины на борту». В Конвенции также установлена возможность привлечения помощи со стороны других членов экипажа и даже пассажиров. Тем самым впервые на международном уровне была закреплена возможность применения физической силы и иных мер про-

³⁰ Киракосян А. М. Терроризм на транспорте как угроза современному обществу (социально-философский анализ) : дис. ...канд. филос. наук. М., 2007. С. 18.

³¹ Некишев В. Л., Некишев А. В. О некоторых проблемах противодействия технологическому терроризму на транспорте. С. 47.

³² URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/crimes_aboard.shtml (дата обращения: 13 сентября 2015 г.).

тиводействия во время полета по отношению к потенциальным террористам. Кроме того, государства — участники Конвенции договорились о взаимной помощи и поддержке в деле «восстановления контроля законного командира над воздушным судном» в случае, если самолет был захвачен.

Начатую линию договоренностей продолжила Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (подписана в Гааге 16 декабря 1970 г.)³³. В ней приведено определение того, что считается преступлением с воздушным судном — это «незаконный, путем насилия или угрозы применения насилия или путем любой другой формы запугивания захват воздушного судна или осуществление над ним контроля либо попытка совершить любое такое действие», совершенное единолично или в соучастии. Подобная формулировка не влечет за собой однозначной трактовки указанных действий в качестве террористических, но позволяет очертить круг деяний, которые при наличии у них других признаков (например, выдвижение различного рода требований, адресованных властям) могут быть расценены как акт терроризма.

Следующим по времени международным документом, который также направлен на противодействие терроризму на воздушном транспорте, является Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (подписана в Монреале 23 сентября 1971 г.)³⁴. В этом акте описание противоправных действий на борту воздушного судна было детализировано. К числу незаконных преднамеренных действий были отнесены:

- совершение акта насилия в отношении лица, находящегося на борту в полете, если такой акт может угрожать безопасности воздушного судна;
- разрушение судна или причинение ему повреждения, которое выводит его из строя или может угрожать его безопасности в полете;
- помещение на судно устройства или вещества, которое может разрушить судно или

причинить ему повреждение, которое может угрожать его безопасности в полете; — сообщение заведомо ложных сведений, при условии создания тем самым угрозы безопасности полета.

Из приведенных формулировок видно, какие именно действия во время полета могли быть потенциально оценены как террористические. В основном это операции со взрывными устройствами и применение физического насилия, создающего возможность повреждения самолета.

Недостатком Конвенции 1971 г. является то, что ее положения распространяются только на суда гражданской авиации, а значит, неприменимы в случаях совершения подобных действий на самолетах военной, полицейской, спасательной и прочих подобных служб.

Следует отметить также действующую Декларацию о ненадлежащем использовании гражданской авиации в качестве оружия уничтожения и о других террористических актах, затрагивающих гражданскую авиацию (принята Ассамблеей Международной организации гражданской авиации (ИКАО) в 2001 г.). Этот документ стал основой для многих организационных мер, помогающих поддерживать безопасность в аэропортах и в полете. До настоящего момента в России, правда, так и не создана служба, аналогичная зарубежным воздушным маршалам. В 2013 г. Росавиация и Минтранс РФ рассматривали предложение о введении на рейсах российских авиакомпаний новых должностных лиц из числа службы безопасности авиаперевозчика или работников транспортной полиции³⁵. Предполагалось, что такие лица могли бы вооружаться электрошокерами и наручниками для борьбы как с потенциальными террористами, так и с разбушевавшимися нетрезвыми пассажирами. Однако высказанная инициатива по состоянию на сентябрь 2015 г. так и не обрела форму полноценного законопроекта.

В настоящее время международное сообщество ориентируется на положения Конвенции о борьбе с незаконными актами в отноше-

³³ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aircraft_seizure.shtml (дата обращения: 13 сентября 2015 г.).

³⁴ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aviation_security.shtml (дата обращения: 13 сентября 2015 г.).

³⁵ См.: *Петров И., Стариков С.* Дебоширов на борту самолета накажут электрошокером // URL: <http://rbcdaily.ru/society/562949985714994> (дата обращения: 13 сентября 2015 г.).

нии международной гражданской авиации³⁶, которая была принята 10 сентября 2010 г. в Пекине и фактически заменила собой ранее действовавшую Конвенцию 1971 г. Основной отличительной особенностью этого документа, в сравнении с его предшественником, является расширенный перечень возможных террористических угроз во время полета, который был дополнен новыми пунктами на основе практики последних лет. Кроме ранее упомянутых ситуаций, к потенциальным угрозам отнесены также:

- разрушение или повреждение аэронавигационных средств или вмешательство в их эксплуатацию;
- использование воздушного судна с целью причинить смерть, серьезное увечье или значительный ущерб имуществу или окружающей среде;
- выбрасывание с борта судна химического оружия либо взрывчатых, радиоактивных или аналогичных веществ способом, который может причинить вред (людям, имуществу, экологии);
- использование вышеуказанного оружия или веществ аналогичным способом против воздушного судна или на борту его;
- перевозка на борту химического оружия, взрывчатого или радиоактивного вещества, любого исходного специального материала, специально предназначенного для последующего использования в террористической деятельности;
- перевозка любого оборудования, материалов или программного обеспечения либо соответствующей технологии, которые вносят существенный вклад в проектирование, производство или доставку оружия биологической, химической либо ядерной угрозы, без законного разрешения и с намерением использовать их для такой цели.

В Конвенции также детально прописано, какие виды веществ и материалов относятся к каждой из запрещенных категорий, каковы правила установления государственной юрисдикции в отношении такого рода преступлений и как действуют правила выдачи преступников.

Подводя итог рассмотрению международно-го взаимодействия в сфере борьбы с террориз-

мом на транспорте, можно отметить однозначное стремление государств к сотрудничеству и совместному разрешению подобных ситуаций. В рассматриваемой сфере действуют достаточно новые по своему содержанию документы, в полной мере отвечающие требованиям современных угроз на воздушном транспорте.

Но и террористические организации в своей деятельности, к сожалению, не стоят на месте, используя все новые достижения современной техники, привлекая к продумыванию терактов специалистов в самых разных областях знаний. Так, по сообщениям британской газеты *The Sunday Times*, международная террористическая сеть «Аль-Каида» (запрещена в России) создала с помощью работающих на нее хирургов «человека-бомбу», в тело которого вживлены способные взрываться имплантаты. Взрывчатка при этом вживляется в мягкие ткани бедер и груди. Как отмечает издание, подобные имплантаты предназначены для того, чтобы незаметно пронести взрывчатку на борт самолета. По его информации, даже применяемые сегодня в ряде ведущих аэропортов мира специальные сканеры человеческого тела не способны выявить эти взрывные устройства. Взрывчатка приводится в действие путем впрыскивания в имплантаты специальной жидкости с помощью шприца³⁷.

Возможно, информация в СМИ в данном случае является очередной выдумкой. В то же время нельзя не отметить рост числа сугубо организационных проблем в сфере борьбы с транспортным терроризмом. Современные взрывчатые вещества подчас довольно сложно выявляются (к примеру, они могут быть спрятаны в электронных устройствах, пронос которых в самолет не запрещен). Статистика результатов досмотра в аэропортах по всему миру показывает, что количество изъятого боевого оружия и боеприпасов со временем неуклонно растет. Преступники используют все более изощренные способы проноса нужных им предметов.

Кроме акций, совершаемых непосредственно во время полета, иногда возникает и угроза поражения воздушного судна с земли. Захват вооружения радикальными группировками в период боевых действий может стать причиной поражения гражданского самолета

³⁶ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_convention.shtml (дата обращения: 13 сентября 2015 г.).

³⁷ См.: Михайлов А. В. Указ. соч. С. 33.

в воздухе. Воздушные коридоры тщательно отслеживаются специалистами и смещаются в сторону от опасных территорий, но от ошибок, как показывает практика, никто не застрахован.

Вероятно, именно фактор опережающего развития форм транспортных терактов и совершенствование их технологического и оружейного оснащения служат первоочередной причиной того, что борьба с терроризмом на транспорте пока не приносит стопроцентных результатов. Время от времени криминальные ситуации все же случаются. Помимо совершенной террористической атаки на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и здание Пентагона в Вашингтоне, к серьезным террористическим акциям на транспорте следует отнести взрывы электричек в Испании, электричек в лондонском метро в 2005 г. и некоторые другие акции. Покушением закончились действия террориста-смертника на рейсе № 63 Париж — Майами в декабре 2001 года: благодаря решительным действиям пассажиров и членов экипажа полноценное совершение теракта тогда удалось предотвратить³⁸.

Применительно к российской действительности следует заметить, что местом совершения последних террористических актов в России чаще всего выступают именно объекты транспортной инфраструктуры. Примером может служить взрыв «Невского экспресса» в августе 2007 г. и маршрутного такси во Владикавказе в ноябре 2008 г., взрывы в столичном метрополитене на станциях «Лубянка» и «Парк культуры» в марте 2010 г. и серия упомянутых терактов в Волгограде во второй половине 2013 г.

Недостаточное противодействие совершению терактов на транспорте со стороны компетентных органов некоторые исследователи видят также в отсутствии в стране четкой правовой базы и собственного опыта борьбы с таким видом терроризма³⁹.

Уголовный кодекс РФ не закрепляет в ст. 205 в качестве квалифицирующего обстоятельства совершение террористического акта на транспорте, ограничиваясь в этом вопросе лишь основным составом преступления (ч. 1).

Если говорить о других объектах повышенной опасности, то, к примеру, уголовную ответственность за совершение террористического акта, сопряженного с посягательством на объекты использования атомной энергии, предусматривает п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ. Тем самым законодатель особо отмечает потенциальную опасность подобных действий и возможность наступления в результате них более разрушительных последствий. Однако не поддается объяснению отказ от включения в тот же п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ положения о совершении террористического акта, связанного с посягательством на объекты транспортной инфраструктуры, несмотря на то что объекты транспорта являются местами массового скопления людей, обладают большой уязвимостью для террористических атак, а их разрушение или уничтожение может повлечь за собой не менее тяжкие последствия.

Российские специалисты и раньше говорили о неадекватной уголовной политике в отношении актов криминального вторжения в сферу технологий, обладающих высоким разрушительным потенциалом, к которым, безусловно, относится и транспортная инфраструктура⁴⁰. В настоящее время эта дискуссия обрела еще большие масштабы. В законодательной и правоприменительной действительности эти идеи, однако, если и находят свое выражение, то исключительно в рамках усиления контроля и разработки новых организационных мер противодействия совершению терактов. Уголовно-правовые последствия для преступников, совершивших такого рода деяния, остаются без изменений.

В связи с этим в рамках повышения эффективности уголовно-правовой борьбы с терроризмом автор статьи считает крайне необходимым урегулировать вопрос о привлечении к повышенной уголовной ответственности за совершение теракта, сопряженного с посягательством на объекты транспортной инфраструктуры. Сделать это проще всего можно путем добавления указанного положения в п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ. Терроризм на транспорте должен быть квалифицированным составом, а лица,

³⁸ Зубков Б., Бочкарев А. Профилактика рисков на объектах авиации // Мир транспорта. 2011. № 2. С. 134.

³⁹ Савинкова Е. Н. Особенности преступности террористической направленности на транспорте // Транспортное право. 2012. № 3. С. 38.

⁴⁰ Некишев В. Л., Некишев А. В. О некоторых проблемах противодействия технологическому терроризму на транспорте // Транспортное право. 2006. № 4. С. 48.

его совершившие, должны нести повышенную ответственность за свои деяния.

В целом недостатки в области обеспечения безопасности транспортных объектов, как показывает практика, способны создать высокий уровень опасности совершения терактов на них. Возможность наступления разрушительных последствий террористического акта на

транспорте должна активизировать государства к разработке эффективных мер по борьбе с этим явлением и международному сотрудничеству в этой сфере. Особенно это касается преодоления условий, потенциально способствующих появлению транспортного терроризма, а не только и не столько реагирования на уже совершенные террористические акты.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Зубков Б., Бочкарев А. Профилактика рисков на объектах авиации // Мир транспорта. — 2011. — № 2.
2. Корниенко В. Т. Проблемы квалификации ядерного терроризма // Российский следователь. — 2013. — № 14.
3. Косачев К. И. Ядерный терроризм и международно-правовые механизмы борьбы с ним // Государство и право. — 2004. — № 8.
4. Костылева Е. Д. Терроризм и безопасность на транспорте // Наука и образование. — 2011. — № 10.
5. Метельков А. Н. О соотношении понятий ядерного и радиационного терроризма как преступлений международного характера // Мир юридической науки. — 2014. — № 3.
6. Михайлов А. В. Необходимость наращивания технических средств противодействия терроризму на объектах транспортной инфраструктуры // Транспортное право. — 2013. — № 2.
7. Некишев В. Л., Некишев А. В. Нормативное регулирование противодействия технологическому терроризму // Вестник Владимирского юридического института. — 2006. — № 1.
8. Некишев В. Л., Некишев А. В. О некоторых проблемах противодействия технологическому терроризму на транспорте // Транспортное право. — 2006. — № 4.
9. Онищенко Г. Г. Противодействие биотерроризму: стратегия национального здравоохранения // Бюллетень «Вакцинация». — 2002. — № 3.
10. Савинкова Е. Н. Особенности преступности террористической направленности на транспорте // Транспортное право. — 2012. — № 3.
11. Симонова А. Е. Противодействие биотерроризму. Международно-правовой аспект. — М., 2010.
12. Хлобустов О. М. О некоторых понятиях и терминах в сфере борьбы с современным терроризмом // Российский следователь. — 2006. — № 5.
13. Clark R. C. H. Technological terrorism. — Old Greenwich (Conn.), 1980.

Материал поступил в редакцию 12 октября 2015 г.

CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR TERRORISM

KAPITONOVA Elena Anatolievna — Ph.D., Associate Professor at the Penza State University
e-kapitonova@yandex.ru
440026, Russia, Penza, ul. Krasnaya, d. 40.

Review. The paper considers legal foundations of fight against threats of use of nuclear and biological weapon in Russia and abroad. It also analyses the content of international legal acts in this sphere (The Convention on the Physical Protection of Nuclear Material (1979); The Convention for the Suppression of Acts of Nuclear Terrorism (2005); The Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons and on Their Destruction (1971)). The author examines the peculiarities of imposing criminal responsibility for such wrong-doings in accordance with The Criminal Code of the RF. The author concludes that it is necessary to clarify terminology (inter alia, with regard to the definitions of nuclear and biological terrorism, as well as their interrelation with technological terrorism), and gives his own definitions of the concepts. The author suggests that it is necessary to include into the Criminal Code of the Russian Federation an independent corpus delicti that concerns nuclear threat on behalf of terrorists, and to amend the rule of Article 355 of the Criminal Code of the Russian Federation (to supplement the disposition of the Article with a direct reference

to nuclear weapon). The paper also provides an analysis of legal foundations of fight against terrorism on transport. The author examines international law regulations (in particular, The Convention on Offenses and Certain Other Acts Committed on Board Aircraft (1963); The Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Civil Aviation (1971); The Convention for the Suppression of Unlawful Acts Relating to International Civil Aviation (2010), etc). The author draws the conclusion concerning sufficient prevalence of terrorism on transport in Russia, and provides statistical data with regard to the issue of the attitude of the population of the country to this threat. He also justifies the necessity to set forth the concept of "terrorism on transport" in legislation. The author states reasons for increasing criminal responsibility for committing an act of terrorism combined with encroachment on facilities of transport infrastructure (by means of referring this act to the category of aggravated crimes — Part 3 Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: criminal legislation, international acts, threat to humanity, fight against terrorism, act of terrorism, nuclear terrorism, biological terrorism, terrorism on transport.

BIBLIOGRAPHY

1. Zubkov, B., Bochkarev, A. Risk Prevention on Aviation Facilities // World of Transport. 2011. N. 2.
2. Kornienko, V. T. Problems of Characterization of Nuclear Terrorism // Russian Investigator. 2013. N. 14.
3. Kosachev, K. I. Nuclear Terrorism and International Legal Mechanisms of Fight against Terrorism // The State and Law. 2004. N. 8.
4. Kostylyova, E. D. Terrorism and Safety on Transport // Science and Education. 2011. N. 10.
5. Metelkov, A. N. The Interrelation between the Concepts of Nuclear and Radiological Terrorism as a Crime of International Significance // The World of Legal Science. 2014. N. 3.
6. Mikhailov, A. V. The Need for Enhancement of Technical Means of Fight against Terrorism on Transport Infrastructure Facilities // Transport law. 2013. N. 2.
7. Nekishev, V. L., Nekishev, A. V. Regulatory Control Over The Fight Against Technological Crime // The Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2006. N.1.
8. Nekishev, V. L., Nekishev, A. V. Some Problems of Counteraction to Technological Terrorism on Transport // Transport Law. 2006. N. 4.
9. Onishchenko, G. G. Counteraction to Biological Terrorism: The National Public Health Strategy // The "Vaccination" Bulletin. 2002. N. 3.
10. Savinkova, E. N. Peculiarities of Crime of Terrorist Nature on Transport // Transport Law. 2012. N. 3.
11. Simonova, A. E. Counteraction to Biological Terrorism: An International Law Aspect. M., 2010.
12. Khlobustov, O. M. Some Concepts and Terms in the Sphere of Fight against Modern Terrorism // Russian Investigator. 2006. N. 5.
13. Clark R. C. H. Technological Terrorism. Old Greenwich (Conn.), 1980.